

нении „О гражданской жизни“ особое внимание уделяет распределительной справедливости, подчеркивая, что только личные заслуги человека перед обществом могут стать мерилom достоинства гражданина, в соответствии с которыми и следует распределять общественные блага, почести, должности. Пальмиери предлагает изменить установившуюся порочную практику, полагая возможным опереться в этом на постижение всеми гражданами «науки жизни» — этики, в которой он видит главное средство нравственного совершенствования личности и общества» (*Брагина Л. М.* Указ. соч. С. 24—25).

- ³⁶ «Классовой ненавистью эксплуататора к эксплуатируемым пронизано учение Платона о государстве» (*История философии: В 4 т. / Под ред. М. А. Дынина, М. Т. Иовчука, Б. М. Кедрова, М. Б. Митина, О. В. Трахтенберга. М., 1957. Т. 1. С. 109*). См. также обсуждение статьи «Платон» в «Философском энциклопедическом словаре», отзывы о Платоне В. Е. Тимошенко и Б. В. Мееровского (К обсуждению «Философского энциклопедического словаря»: Обзор писем // *Вестн. МГУ. Сер. 7, Философия. 1987. № 2. С. 63—66*).
- ³⁷ См.: *Иванов В. Г.* История этики древнего мира. Л., 1980. С. 160. Ср.: «В платоновской утопии на первый план выдвигается нравственный принцип» (*Асмус В. Ф.* Платон. М., 1975. С. 145).
- ³⁸ *Jaeger W.* Op. cit. P. 14.
- ³⁹ *Dodds E. R.* Op. cit. P. 207.
- ⁴⁰ См.: *Егунов А. Н.* Указ. соч. С. 11.
- ⁴¹ См.: Там же. С. 9.
- ⁴² См.: *Вогомолов А. С.* Античная философия. М., 1985. С. 184.
- ⁴³ См.: *Платон.* Соч. Т. 3, ч. 1. С. 287 (595 с).
- ⁴⁴ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 326.
- ⁴⁵ См.: *Демокрит* (602—604 Лурье), а также: *Столяров А. А.* Указ. соч. С. 26, 27.

К 95-летию А. Ф. ЛОСЕВА

Редколлегия ежегодника отмечает юбилей Алексея Федоровича Лосева публикацией главы из его рукописи о средневековой диалектике. Всего лишь несколько месяцев не дожил А. Ф. Лосев до своего 95-летия. И тем острее сейчас, в год юбилейного подведения итогов, переживается нашей наукой невосполнимость утраты.

Вклад Алексея Федоровича в историко-философскую науку известен в нашей стране каждому гуманитарно образованному человеку. Его работы содержат в себе не только огромный и тщательно проанализированный материал античной и европейской культуры, но и многоплановые диалектические конструкции, которые воспринимаются как одно из самых значительных событий в истории диалектики последнего столетия. По праву его труды признаны классикой нашей философской, историко-культурной и филологической литературы.

Цикл работ А. Ф. Лосева, появившийся в 20-е годы, впервые представил новую историко-философскую концепцию и остался теоретическим ядром всех его дальнейших построений. 1927—1930 гг. ознаменовались в его творчестве прямо-таки фейерверком публикаций: одна за другой выходят книги, в которых, несмотря на разнообразие тем (музыка, мифология, символ, диалектика, античная культура) вырисовывается цельное, направленное против абстрактного идеализма и механистического материализма мировоззрение. Но этому экстенсивному периоду предшествовало

заполненное напряженной духовной работой десятилетие. А. Ф. Лосев закончил историко-филологический факультет Московского университета в 1915 г. Это период начала великих перемен в европейской и мировой истории, период связанных с этим острых идейных споров, соединений и размежеваний, выбора путей. В России в это время борьба идей, в которую был вовлечен и молодой ученый, достигает особого напряжения. Запад переживает спад первой волны новейшей философии: позитивизм и «философия жизни», не говоря уже об академической философии, отчасти исчерпали свои возможности и столкнулись с новыми течениями, стремящимися построить строгое трансцендентальное мировоззрение, — с неокантианством и феноменологией. И это не проходит мимо внимания А. Ф. Лосева. Общая атмосфера заката старой культуры, потрясения, вызванные в общественном сознании мировой войной, также не могли оставить его равнодушным. Возможно, именно в это время формируется его интерес к философии культуры, к универсальным закономерностям, выражающим себя в мировой истории. Поэтому не удивительно, что книги 20-х годов оказались не дебютом, а зрелым результатом и незаурядного дара, и необыкновенного времени. В этих книгах ученый тридцати с небольшим лет выполняет работу, достойную того, чтобы увенчать долгую жизнь кабинетного специалиста, посвятившего себя теории. Выработанная в них новизна подхода к предмету и по сей день может считаться непревзойденным образцом синтеза конкретного филологического исследования с глубоким философским обобщением материала. В этих работах лежат и истоки главного труда А. Ф. Лосева в 60—70-е годы — многотомной «Истории античной эстетики», — беспрецедентного по эмпирическому охвату, глубине и детальности осмысления античной духовной культуры как цельного явления.

Обратим внимание на некоторые особенности историко-филологического метода А. Ф. Лосева. Одна из ведущих тем его творчества — пересмотр устоявшегося представления об античности. В свою очередь, в центре этой темы — уроки, которые философ извлекает из многовековой истории платонизма. Нетрудно вспомнить, что мыслители европейской традиции едва ли не каждый новый этап открывали с прочтения заново античности. Тем более интересно отметить новые мотивы, зазвучавшие у А. Ф. Лосева: открытие неисчерпанного потенциала платонизма сочетается в его трудах с тщательным определением границ платонизма, а то и с прямой «анафемой» ему; изучение логической структуры античного мышления слито со вниманием к социальности, к исторической динамике; анализ мыслительных форм доводится до сжатой формулы, анализ исторической психологии доводится до портрета, а в результате оказывается, что то и другое — неразрывные части некоего целого. Обращает на себя внимание собственно метод исследования, соединяющий кропотливую эмпиричность и глобальность теоретических обобщений. Здесь неуместно и невозможно было бы давать научное толкование этим особенностям его метода.

Хотелось бы лишь обратить внимание на то, что мы сталкиваемся с новым видением судьбы европейской культуры и — более того — не сможем сделать что-то реальное в своей науке, не учитывая работы А. Ф. Лосева.

Об Алексее Федоровиче написано на сегодняшний день уже немало, но стоит особо отметить удивительную независимость его личности от привычных нам норм и ритмов жизни учебного.

Плодотворное долголетие — не такая уж редкость, но поистине волшебным было непрерывное движение мысли ученого к новым результатам, — это акме, охватившее всю жизнь. Удивителен объем созданного и его значимость. Поражает разносторонность личности А. Ф. Лосева и в то же время ее собранность вокруг невидимого центра. Так, например, он занимался философией, филологией, музыкой, математикой, и именно этот идеальный квадриум позволяет ему стать гуманитарием-энциклопедистом, рассматривающим феномены культуры в дополняющих друг друга аспектах мысли и слова, ритма и числа. Необычно сочетание глубокого профессионализма и тяги к изложению идей на простом, всем доступном языке, которое делает ряд лосевских работ прекрасным введением в философские глубины. Не назовешь обычным и его противостояние «духу времени» (если только можно назвать так доминирующие тенденции культуры), который побуждает гуманитарные исследования распадаться на плоский эмпиризм и формалистику, на беспочвенную схоластику и варварский практицизм, — ведь этим современным бедам метод А. Ф. Лосева противостоит именно своей чуткостью к сегодняшним проблемам духа, участием в самых серьезных схватках «битвы за логос», идущей в XX в. Столь же необыкновенно, что ученый, одним лишь своим присутствием среди нас связывавший две глубоко отличные эпохи русской культуры, сам же во многом и осуществил то, что обещала в начале века та эпоха, и то, что является долгом этой эпохи. Разумеется, на нашу долю остается достаточно, но именно поэтому творчество А. Ф. Лосева обладает такой притягательной силой для гумани- тари-ев.

Может быть, главное, чем может «отдариться» современная наука в год юбилея А. Ф. Лосева, омраченного, увы, и глубокой скорбью, — осознанием перемены, наступившей в подходе к его трудам. Мы еще не издаем его ранних работ, как в США, и не проводим ежегодные семинары по «Философии имени», как в Марбурге, но уже понимаем, что пришло время не только цитирования его работ, но и их изучения как цельного и жизненно необходимого явления современности.

А. Доброхотов